

До рассвета оставалось еще несколько часов, и Лян Цзивэнь, как и в предыдущие дни, погрузил сознание в пространственное хранилище, чтобы привести в порядок находящиеся там вещи. Съестные запасы он сложил в одну кучу. Каждый раз, посещая новое место, он обязательно покупал местные деликатесы и вкусные блюда. Разнообразие было огромным, но количество каждого вида не превышало двух-трех сотен порций, а некоторые из его любимых лакомств были представлены всего одной или двумя порциями. Лекарства он сложил в отдельную кучу. Это была самая большая часть его запасов, не считая тех, что достались ему случайно. Здесь были лекарства всех видов, но больше всего — средства для лечения ран. Ведь он часто отправлялся на задания, где мог столкнуться с любыми ситуациями, и травмы были самым распространенным явлением.

Затем шла куча различных видов сухпайков и чистой воды. Остальное представляло собой мешанину из разных вещей, включая его любимое оружие: меч, кинжал, семь пистолетов и несколько десятков ящиков с патронами. Раньше это казалось внушительным количеством, но по сравнению с тем, что он получил три дня назад, оно выглядело жалко. Хотя, если говорить о ценности, то его старые вещи все же были дороже. Например, его меч стоил целое состояние. Он был создан с использованием древних технологий, мастерства и самых передовых научных достижений. В то время, когда он умер, во всем мире таких мечей было всего около десятка. Правительство Китая тратило на их разработку десятки миллиардов юаней в год, а массовое производство было еще далеко.

Кексы, хлеб и выпечка были сложены в одну кучу, соки, консервированные фрукты и растворимые напитки — в другую. Конфеты, шоколад и молочные продукты — в третью. Мясные продукты, рыба и яйца — в отдельные кучки. Сушеные фрукты, овощи и закуски также были рассортированы. Большую часть этих вещей он уже привел в порядок несколько дней назад, и теперь, спустя некоторое время, все было аккуратно сложено. Теперь наступал самый важный этап.

Несмотря на разнообразие и количество, эти вещи было сложно выносить наружу. Каждый раз он тайком выносил немного, чтобы угостить детей, выбирая самые незаметные продукты. Для всей семьи он мог достать только сырые продукты или те, что требовали минимальной обработки, притворяясь, что добыл их благодаря удаче и силе в горах. После стольких лет голода в горах не осталось столько дичи, и семья выживала только благодаря его скромным запасам в пространственном хранилище.

Ячмень, пшеница, овес, коричневый рис, гречка, белый рис, красная фасоль, зеленая фасоль... Он не разбирался в злаках, поэтому сортировал их по надписям на мешках. Лицо Лян Цзивэня озарилось улыбкой. К счастью, эта компания специализировалась на китайской кухне, и у них был широкий ассортимент зерновых. За исключением бобовых, большинство составляли очищенные злаки, а цельнозерновых было немного. Но вместе с другими видами зерна общий вес составлял более ста тысяч цзиней. Его тетя и их семья не жили вместе, а сейчас в семье Лян было пятнадцать человек. С учетом их текущего потребления этих запасов хватило бы на десять с лишним лет.

Свежего мяса и рыбы было около трехсот тысяч цзиней, а свежих фруктов, более ста видов, — около восьмидесяти тысяч цзиней. Вместе с купленными фруктами общий вес превышал сто тысяч цзиней. Однако овощей было немного, всего около пятидесяти тысяч цзиней. Остальное составляли приправы, которые по количеству уступали другим продуктам, но зато были представлены в большом разнообразии. Практически все необходимое было. Отдельно он сложил несколько десятков тысяч цзиней белого сахара, хотя коричневого сахара было всего несколько тысяч цзиней. Зато глюкозы было несколько десятков тысяч цзиней.

Больше всего Лян Цзивэнь радовали триста тысяч цзиней батата и фиолетового батата, а также около семидесяти-восемидесяти тысяч цзиней картофеля. Пшеничной муки, по приблизительным подсчетам, было около миллиона цзиней, в основном средней и низкой клейковины. Растительного масла было несколько сотен бочек, каждая объемом в сто литров, а также несколько десятков килограммов сливочного масла, хотя оно было не так полезно.

Лян Цзивэнь с удовлетворением смотрел на все эти запасы. С таким количеством ресурсов они больше не боялись голода. Даже если не учитывать сотни тысяч тонн готовой еды, которую было сложно достать, одного только зерна хватило бы, чтобы обеспечить им достойную жизнь в эти трудные времена. Однако теперь главной проблемой было то, как легально вынести все это. Запасы зерна в доме были строго учтены, и Бабушка Лян следила за ними с особой тщательностью. Она могла заметить, если не хватало даже нескольких граммов.

Когда ему было пять лет, он, воспользовавшись моментом, когда был в сознании, тайком добавил полциния риса из пространственного хранилища в мешок с зерном. Рис был тщательно перемешан, но Бабушка Лян все равно заметила и даже шепотом упомянула об этом. Тогда он испугался и больше никогда не повторял этого.

На следующее утро, едва рассвело, Лян Тин проснулась. Хотя она была более любима в семье, чем другие девочки в деревне, ей все равно приходилось выполнять все домашние дела.

Поднявшись и аккуратно сложив одеяло, она заметила на подушке аккуратно сложенный платок. Глаза Лян Тин загорелись, но она быстро опустила взгляд, закусив губу и не произнося ни слова. Лян Тин спала на кровати Тянь Фан и Лян Цзяньляна, а Лян Цзивэнь и Лян Цзихэн спали вместе, их кровати разделял лишь проход. Лян Цзивэнь легко мог представить выражение лица Лян Тин, но он продолжал лежать, обнимая Лян Цзихэна и притворяясь спящим.

Лян Цзивэнь знал о маленьких секретах Лян Тин, но не придавал этому значения. Лян Тин была хорошо воспитана Тянь Фан, и ее недовольство было едва заметным. Обычно она лишь слегка грубила ему, но все же очень любила своего старшего брата. Если бы не этот случай, через четыре-пять лет, когда она немного повзрослела, это недовольство исчезло бы само собой.

Лян Тин опустила голову, сдерживая слезы, и бережно развернула выцветший платок. Она положила в рот ярко-красную конфету, и на ее лице появилась смущенная улыбка. Это был их секретный знак. У Лян Цзивэня было несколько таких платков, и каждый раз в них находилось немного еды.

Сначала она думала, что это Бабушка тайком кладет ей, но позже узнала, что это Лян Цзивэнь где-то доставал. Она даже беспокоилась, что его могли поймать и избить за воровство, но никто не сообщал о пропажах, и она успокоилась. В те времена, когда еда была на вес золота, украсть что-то было крайне сложно. Даже если что-то пропадало, на следующий день поднимался шум, и воры быстро находились.

Услышав, как Лян Тин тихо вышла из комнаты, Лян Цзивэнь вздохнул с облегчением. Лян Тин была упряма, но умна. Если она съела его конфету, значит, поняла, что он на нее не сердится.

В тот день, когда на них напал дикий кабан, Лян Тин была рядом с ним. Несколько деревенских детей насмеялись над ним, и Лян Тин вступила с ними в спор. После ссоры она накричала на него, велела оставаться на месте и не следовать за ней. Но как только она ушла, разъяренный кабан спустился с горы. Когда Лян Цзивэня принесли домой, он увидел, что глаза Лян Тин

были красными, как у кролика. Он понял, что она снова заикнулась на мысли, что это она виновата в его гибели.

Лян Цзивэнь уже проснулся, но продолжал лежать с закрытыми глазами, обнимая Лян Цзихэна. Его раны все еще выглядели серьезно, и, чтобы не беспокоить семью, он решил притворяться спящим, пока не придумает, как постепенно вынести запасы зерна.

Лян Цзихэн был настоящим ребенком и спал крепко. Обнимая его мягкое тельце, Лян Цзивэнь, сам того не заметив, заснул.

Когда он проснулся, солнце уже освещало половину комнаты. Лян Тин принесла завтрак и, увидев, что Лян Цзивэнь открыл глаза, смущенно нахмурилась и сурово сказала:

— Если проснулся, ешь скорее!

Хотя тон ее голоса был строгим, она знала, что Лян Цзивэнь любит чистоту, и подала ему стакан воды, чтобы он мог прополоскать рот.

Лян Цзивэнь редко улыбался, но сейчас он попытался выдавить улыбку, хотя и понимал, что она, скорее всего, выглядела неестественно.

Завтрак был простым: миска каши из коричневого риса с добавлением белого риса, сверху — большая ложка мясного фарша. Лян Цзивэнь убил большого дикого кабана, который, хотя и не был особенно упитанным, весил около трехсот-четырехсот цзиней. Однако забрать кабана домой было нельзя, так как это считалось бы воровством у государства. Тем не менее, когда деревня делила мясо, староста выделил их семье три цзиня мяса, два цзиня ребер и пять больших костей. Остальное было поделено поровну между всеми семьями.

Бабушка Лян взяла один цзинь постного мяса и приготовила из него фарш. Один цзинь мяса они съели вчера, а остальное, жирное, пошло на приготовление масла.

<http://bllate.org/book/16557/1510511>